мир славянское, означает «ратующий за мир», «защитник мира», «воин мира», «войско мира». Существует и вариант перевода – «ратник». При этом у Пушкина *Ратмир* – «*младой хазарский князь*» [6, с. 9]. У сербов есть женский вариант имени – *Ратимирка*. Имя *Ратмир* (Ратша) носил реальный исторический персонаж – новгородский богатырь XIII в., соратник князя Александра Ярославича Невского. Имя этого богатыря упоминается в числе шести главных героев Невской битвы в «Повести о житии Александра Невского». В летописи сказано, что он погиб во время боя, но некоторые исследователи утверждали, что он выжил и в дальнейшем служил брату Невского – князю Ярославу Ярославовичу. Возможно, что одно и то же имя носили несколько богатырей. *Ратмир* был символом новгородского величия, особо почитаемым героем. Его меч хранился новгородцами и передавался из поколения в поколение. Наиболее известен эпизод, когда этот меч был вручен молодому полководцу Мирославу, зятю Марфы Посадницы, для обороны Новгорода от московского князя Ивана Великого.

Что касается *Фарлафа*, то это имя Н.М. Карамзин упоминает, описывая княжение Вещего Олега. *Фарлаф* был одним из бояр этого князя, прославившийся своим громким голосом, что собственно и подчеркивает А.С. Пушкин:

Другой – Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей [6, с. 9].

В заключение отметим, что исследование отражения славянской мифопоэтической культуры и традиций в поэме А.С. Пушкина на примере имен собственных можно продолжать и дальше, однако, исходя из выше обозначенных примеров, можно заметить, что имена, наряду с другими стилистическими средствами, выполняют ведущую роль в создании «семантической композиции» художественного текста, позволяя вдумчивому читателю не только следить за сюжетом, но и погружаться в мифологию и быт давно ушедшей эпохи.

Литература

1. *Горбачева, О.Г.* Имена героев пушкинских сказок: два Черномора / О.Г. Горбачева // Русский язык в школе. – 2008. – № 4. – С. 16 – 18.

2. *Исаева, Л.А.* Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: дис. … канд. филол. наук / Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996.

3. *Карташова, Е.Н.* Язык Пушкина в поэме «Руслан и Людмила» / Е.Н. Карташова. – URL: http://dolliceum.narod.ru/

4. *Лихачев, Д.С.* Слово о полку Игореве / Д.С. Лихачев. – М., 1983.

5. *Петровский, Н.А.* Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М., 2000.

6. *Пушкин, А.С.* Руслан и Людмила / А.С. Пушкин. – М., 1984.

7. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2001.

8. *Юшкова, Е.А.* Имя собственное в контексте фантастического произведения / Е.А.Юшкова. – URL: http://frgf.utmn.ru/last/ No6/text7.htm

УДК 81'36

Н.Л. Кудинова

ВАРЬИРОВАНИЕ ПО ТИПУ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ТАКСИСНО РЕЛЕВАНТНЫЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Статья посвящена рассмотрению варьирования по типу дискурсивной деятельности как важного прагматического фактора, влияющего на выбор тех или иных сочетаний грамматических форм в рамках моделей, используемых для выражения таксисной семантики, а также анализу степени участия данного фактора в процессе реализации различных таксисных семантических функций.

Таксисная функция, грамматическая форма, диалог, монолог, временно́й план.

The article is devoted to the description of the variation of discourse types as an important pragmatic factor influencing the choice of certain combinations of grammar forms within the models used to express the taxis semantics, and also to the analysis of the degree of participation of this factor in the process of the realization of various semantic functions.

Taxis function, grammar form, dialogue, monologue, time reference.

Цель данной статьи – проанализировать использование различных сочетаний грамматических форм, участвующих в реализации таксисной семантики, с учетом контекстно-обусловленного варьирования.

Поставленная цель предусматривает решение следующих конкретных задач:

1) выделение варьирования по типу дискурсивной деятельности как прагматического фактора, релевантного для описания реализации таксисной семантики;

2) выявление частотности и вариативности грамматических форм, участвующих в реализации таксисных отношений в различных видах дискурсивной деятельности;

3) описание связи между временно́й отнесенностью событий и частотностью функционирования

таксисных моделей в различных видах дискурсивной деятельности.

Материалом для анализа послужили примеры структур, выражающих различные таксисные функции, полученные методом сплошной выборки из художественных произведений британских и американских авторов конца XX – начала XXI в. Выборки в равных долях включают монологический и диалогический типы дискурсивной деятельности. Общий корпус исследованного материала составил 1200 стандартных страниц (по 600 стандартных страниц каждого варианта). Всего было исследовано около 10 тыс. примеров выражения таксисных отношений.

Мы исходим из положения, что выражение таксисных функций происходит в типовых реализациях моделей, включающих именной компонент (моносубъектные и полисубъектные структуры), глагольный компонент (аспектуальный класс глагола и грамматическую форму Simple, Continuous, Perfect, Perfect Continuous), временно́е выражение и прагматический компонент. Выражение той или иной таксисной функции обусловливается особенностями взаимодействия всех компонентов модели. Проведенный анализ вариативного использования языковых средств выражения таксиса показал, что семантический характер компонентов модели не предопределяет выбор тех или иных сочетаний грамматических форм в рамках рассматриваемых моделей. В то же время можно предположить, что преимущественное использование определенных сочетаний грамматических форм (в зависимости от семантики модели и конкретного наполнения ее компонентов) обусловлено прагматической спецификой функционирования данных структур.

В общих чертах вопрос, который стоит в центре внимания современной прагматики, можно сформулировать так: «что влияет в каждом конкретном случае речевого общения на выбор именно такой, а не иной языковой формы, и почему именно эта форма имеет именно то значение, которое она в данном случае имеет?» [5, с. 7]. Нетрудно заметить, что обе части вопроса органически взаимосвязаны.

Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения. Иными словами, прагматика изучает значение в его отношении к речевой ситуации, т.е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и т.д., составляющим ее контекст.

Характерной чертой современных лингвистических исследований является их обращение к фактам функционирования языковых единиц в «живой речи». Центральной фигурой в таких исследованиях является человек (языковая личность) как носитель ряда психологических (когнитивных) свойств, пользующийся языком в соответствии с речевой ситуацией и своими коммуникативными целями. В то же время языковая личность формируется в определенном *социо-культурном пространстве*, т.е. духовной, ментальной среде, сообразно культурным традициям и ценностным установкам которой осуществляется социальная и коммуникативная деятельность людей, населяющих данную территорию [12]. Следовательно, в процессе лингвистического анализа должны учитываться такие факторы, как: социально-культурный статус коммуникантов, их национальная принадлежность, а также конкретная ситуация общения.

Варьирование языковых средств может зависеть как от социальных характеристик говорящих, так и от условий общения (ситуативно-стилистическая вариативность). В последние годы для лингвистических исследований характерен широкий подход к изучению социально детерминированной дифференциации языка: например, считается возможным привлечение в целях социолингвистического анализа функционально-стилистической варьируемости языковых средств [1]. Стилистическая варьируемость языковых форм задает социально маркированную сферу их употребления и предполагает ограничение выбора языкового выражения функциями (целями) общения, ситуацией, темой сообщения и другими контекстуальными параметрами. По мнению Дж. Лича, к таким параметрам могут быть отнесены формальность речи, канал (устный / письменный), коммуникативная функция [16]. Разъясняя, какие стороны языка подвергаются стилистическому анализу, В.В. Виноградов указывает, что стилистика рассматривает языковые явления с точки зрения их связи с «отдельными общественно разграниченными типами и разновидностями речи» [2, с. 15]. По мнению Т.Г. Винокур, социальный фактор стиля проявляется в его закрепленности за определенной социальной сферой общения [3]. Т. Ван Дейк рассматривает стиль как свойство языкового употребления, адекватное определение которого возможно на базе изучения языкового варьирования в социальном контексте [14]. Связь стилистического значения и социальных параметров речи отмечается в концепциях стиля К.А. Долинина [4] и В.Н. Телии [11].

В нашей статье будет рассматриваться контекстно-обусловленное варьирование, представленное выбором между «кодифицированным литературным языком» – КЛЯ и «разговорной речью» – РР. РР и КЛЯ реализуются в художественной литературе как имитация устной речи – прямая речь персонажей («диалог») и как стиль авторского беллетристического повествования («монолог»)[1]. Считается, что «художественная литература является надежным источником при изучении разговорной речи, поскольку содержит квинтэссенцию ее типических черт» [3, с. 16]. В исследованиях последних лет стили часто трактуются как различные типы дискурсивной деятельности, выполняющие определенную социальную функцию и обладающие, соответственно, некоторыми характерными лингвистическими и паралингвистическими особенностями [6], [10].

Таким образом, **варьирование по типу дискурсивной деятельности (соотношение КЛЯ и РР)**

[1] Термин «диалог» – для обозначения РР и «монолог» – для обозначения КЛЯ приняты условно для краткости изложения.

является одним из важнейших прагматических факторов, влияющих на выбор тех или иных сочетаний грамматических форм в рамках моделей, используемых для выражения таксисной семантики.

Анализ частотности употребления когнитивно-функциональных моделей (КФМ), использующихся для реализации таксисных семантических функций (СФ)[1], позволяет сделать вывод о том, что в целом таксисная семантика более характерна для монологической, чем для диалогической речи. В наибольшей степени разрыв между «монологом» и «диалогом» проявляется в рамках микрополя следования (92,5 и 7,5 % соответственно), в наименьшей – в рамках микрополя предшествования (74,3 и 15,7 % соответственно), однако, в рамках всего ФСП таксиса этот разрыв очень велик. Так, случаи употребления таксисных моделей в диалогической речи составляют лишь 9 % от всего корпуса проанализированных нами примеров (табл. 1).

Таблица 1

Относительная частотность реализации таксисных семантических функций в «диалоге» и «монологе»

Микрополе таксиса	Диалог	Монолог
Предшествование	15,7 %	74,3 %
Одновременность	9 %	91 %
Следование	7,5 %	92,5 %
Всего	**9 %**	**91 %**

Такая частотность употребления таксисных моделей в «диалоге» и «монологе» связана с отнесенностью действий к плану прошедшего, настоящего и будущего. Так, **в плане *прошедшего* преобладает «монолог», в плане *настоящего* – «диалог», а в плане *будущего* таксисная семантика встречается только в диалогическом типе дискурсивной деятельности** (табл. 2).

Можно предположить, что преобладающая частотность употребления таксисных моделей в монологическом типе дискурсивной деятельности в плане прошедшего объясняется тем, что повествование в художественном произведении в подавляющем большинстве случаев ведется в прошедшем времени от лица автора, и именно для такого типа дискурсивной деятельности характерно описание множества различных событий (состояний, действий, процессов), связанных таксисными отношениями.

Например: *Marcus **put** his old shoes back on, and then he and his mother **went** straight back to Will's flat. Fiona **started raging** at Will the moment they **had been invited in** and, at the beginning, when she **was having** a go at him about SPAT and his imaginary son he **looked** embarrassed and apologetic – he **had** no answers to any of her questions, so he **stood** there staring at the floor. But as it **went** on he **started** to get angry too* [15, с. 128].

Таблица 2

Относительная частотность реализации таксисных семантических функций в «диалоге» и «монологе» в плане прошедшего, настоящего и будущего

	Предшествование			Одновременность			Следование			Все таксисные значения		
	Прошедшее	Настоящее	Будущее	Прошедшее	Настоящее	Будущее	Прошедшее	Настоящее	Будущее	Прошедшее	Настоящее	Будущее
Диалог	5,4%	9%	1,8%	2,8%	5,6%	0,2%	3%	3%	1%	3%	5%	1%
Монолог	83,5%	0,3%	0%	91%	0,4%	0%	92,6%	0,4%	0%	90%	1%	0%

Поскольку таксис – это всегда отношение между двумя и более ситуациями, реализация таксисных СФ происходит в рамках сложных синтаксических структур (сложноподчиненных предложений с различными типами придаточных, сложносочиненных предложений, сверхфразовых единств, структур с неличными формами), использование которых не типично для РР. Именно поэтому для диалогического типа дискурсивной деятельности в целом не характерно употребление таксисных моделей. Следовательно, их частотность (в том числе и в плане прошедшего) значительно ниже, чем в монологическом типе дискурсивной деятельности.

Например: *'How well **did you know** Jacques Sauniere?' the captain asked. 'Actually, not at all. **We'd never met**'* [13, с. 40].

В плане настоящего языковые факты позволяют с большой степенью вероятности утверждать, что время, обозначенное словом *now*, соответствует моменту наблюдения, т.е. в его основе лежит «субъект восприятия» [5, с. 115]. Таким образом, в общих чертах настоящее может быть охарактеризовано как «фрагмент действительности, являющийся объектом непосредственного чувственного восприятия» [5, с. 45]. В данном случае человек говорит о чем-то, исходя из собственного чувственного опыта, что характерно для прямой речи персонажей художественного произведения. Следовательно, в плане настоящего употребление таксисных КФМ более характерно для диалогического типа дискурсивной деятельности.

Например: *"While some of our politicians in the government **are still quibbling** about the consequences of global warming and the greenhouse effect, the hole in*

[1] С точки зрения соотношения монологической и диалогической речи между микрополями предшествования, одновременности и следования обнаруживается больше общих черт, чем принципиальных различий, поэтому мы проводим анализ функционирования таксисных КФМ в рамках **всего функционально-семантического поля (ФСП) таксиса** в плане прошедшего, настоящего и будущего.

the ozone layer ***is rapidly growing****. Because of that, half of the world* ***is suffering*** *droughts and the other half floods. In the Ross Sea, an iceberg the size of Jamaica* ***has just collapsed*** *because of global warming. The ozone hole over the South Pole* ***has reached*** *the record size of ten million square miles…* ***We're witnessing*** *a record number of hurricanes, cyclones, typhoons, and storms that* ***are ravaging*** *parts of Europe. Due to the radical changes in the weather, millions of people in countries around the world* ***are facing*** *starvation and extinction"* [17, с. 94].

Анализируя употребление таксисных моделей в «монологе» в плане настоящего, можно увидеть, что здесь речь идет о настоящем историческом (present historic), настоящем драматическом (present dramatic) или об описании событий, не связанных с конкретным временем («всевременных»). Однако такое употребление отличается низкой частотностью.

Например: *'Hello,' he said.* ***'I'm*** *Will,* ***I'm*** *new, and* ***I don't know*** *anybody.' 'Hello, Will.* ***I'm*** *Suzie,* ***I'm*** *old, and* ***I know*** *everybody'* [15, с. 39].

Что касается плана будущего, то *отсутствие* таксисных моделей в монологической речи объясняется «субъективностью восприятия событий и явлений в будущем» [7, с. 25], которая заключается в том, что «ориентация на будущее в очень большой мере определяется самим воспринимающим субъектом, зависит от его выбора и от его намерения представить будущий факт как реальность, которая независимо от каких-либо условий будет иметь место, или как факт, зависящий от других явлений, или как предполагаемый, желаемый факт»[1] [8, с. 70]. Другими словами, в семантический потенциал будущего входит модальность, являющаяся характерной особенностью «диалога».

Например: *He whispered, "****I'm leaving****. But if you ever* ***tell*** *your mother about this,* ***I'll come back*** *and kill her*" [17, с. 57].

По сравнению с КЛЯ, РР характеризуется бóльшей вариативностью сочетаний грамматических форм в полипредикативных комплексах, передающих таксисные отношения. Думается, что эта особенность «диалога» может быть интерпретирована исходя из когнитивно-прагматических характеристик диалогической речи – спонтанность (неподготовленность), непринужденность и непосредственность общения, которые, в свою очередь, предполагают разрозненность коммуникативных целей участников общения, свободное переплетение предметов речи, свободу употребления грамматических форм и синтаксических построений, бóльшую, чем в условиях «монолога», опору на конкретную ситуацию общения и естественный ход мысли в процессе порождения высказывания (в противовес следованию строгой логической программе при построении «монолога»).

Так, для выражения предшествования в «диалоге» используется 20 различных сочетаний грамматических форм, в то время как в «монологе» – 16. Для выражения следования в «диалоге» функционирует 27 сочетаний грамматических форм, в монологе – 18. Исключение составляет микрополе одновременности – для выражения данной таксисной СФ используется по 16 сочетаний грамматических форм в диалоге и монологе (табл. 3).

Столь большая вариативность сочетаний грамматических форм, используемых для выражения следования, вероятно, вызвана тем, что данный вид таксисных отношений в когнитивном плане представляет собой наиболее сложный концепт для репрезентации на языковом уровне.

В итоге, можно сделать следующие выводы:

1) выражение таксисной семантики в бóльшей степени характерно для монологической, чем для диалогической речи;

2) как в «диалоге», так и в «монологе» могут употребляться все грамматические формы (Simple, Continuous, Perfect, Perfect Continuous), однако, и тот, и другой тип дискурсивной деятельности характеризуется преобладающим использованием форм Simple;

3) частотность функционирования таксисных моделей в «диалоге» и «монологе» напрямую связана с отнесенностью событий к плану прошедшего, настоящего и будущего: в плане прошедшего преобладает «монолог», в плане настоящего – «диалог», а в плане будущего таксисные функции реализуются только в диалогическом типе дискурсивной деятельности;

4) РР характеризуется бóльшей, по сравнению с КЛЯ, вариативностью сочетаний грамматических форм, используемых в рамках различных КФМ для выражения таксисных СФ «предшествование» и «следование» (для реализации СФ «одновременность» используется равное количество сочетаний грамматических форм в «диалоге» и «монологе»). Это, скорее всего, объясняется неподготовленностью диалогической речи, предполагающей выбор языковых средств, в том числе грамматических форм, наиболее точно соответствующих коммуникативной интенции, продуцирующей высказывание личности в каждой конкретной ситуации общения.

[1] Необходимо, однако, отметить, что существует и иная точка зрения, согласно которой категориальная форма будущего лишена каких бы то ни было модальных оттенков, связанных с особенностями индивидуального восприятия фактов объективной действительности. «В языке будущее трактуется как объективное будущее, и формы будущего времени не обозначают ни желание, ни возможность, ни какие-либо другие категории подобного типа» [9, с. 71].

Таблица 3

Сочетания грамматических форм, служащие для выражения таксисных отношений в «диалоге» и «монологе»

ПРЕДШЕСТВОВАНИЕ			
Диалог		Монолог	
Последующая ситуация	Предшествующая ситуация	Последующая ситуация	Предшествующая ситуация
1	2	3	4
Past Simple	Past Perfect	Past Perfect	Past Perfect
Past Simple	Past Simple	Past Perfect	Perfect Verbal
Past Continuous	Past Simple	Past Perfect	Non-Perfect Verbal
Past Continuous	Past Perfect	Past Simple	Past Perfect Continuous
Present Simple	Past Simple	Past Simple	Past Perfect
Present Simple	Present Perfect	Past Simple	Past Simple
Present Simple	Non-Perfect Verbal	Past Simple	Past Continuous
Present Simple	Perfect Verbal	Past Simple	Perfect Verbal
Present Continuous	Past Simple	Past Simple	Non-Perfect Verbal
Present Continuous	Present Perfect	Past Continuous	Past Perfect Continuous
Present Continuous	Non-Perfect Verbal	Past Continuous	Past Perfect
Present Perfect	Past Simple	Past Continuous	Past Simple
Present Perfect	Past Perfect	Past Continuous	Non-Perfect Verbal
Present Perfect	Present Perfect Continuous	Present Simple	Past Simple
Present Perfect	Non-Perfect Verbal	Present Simple	Present Perfect
Present Perfect Continuous	Present Perfect Continuous	Present Simple	Perfect Verbal
Future Simple	Present Simple		
Future Simple	Present Perfect		
Future Simple	Future Perfect		
Future Simple	Non-Perfect Verbal		
ОДНОВРЕМЕННОСТЬ			
Диалог		Монолог	
Первая ситуация[1]	Вторая ситуация	Первая ситуация	Вторая ситуация
Past Simple	Past Continuous	Past Perfect Continuous	Past Perfect Continuous
Past Simple	Past Simple	Past Perfect Continuous	Past Perfect
Past Simple	Non-Perfect Verbal	Past Perfect Continuous	Past Simple
Past Continuous	Past Simple	Past Perfect Continuous	Non-Perfect Verbal
Present Simple	Present Continuous	Past Perfect	Past Perfect
Present Simple	Present Simple	Past Perfect	Past Continuous
Present Simple	Non-Perfect Verbal	Past Perfect	Past Simple
Present Continuous	Present Continuous	Past Perfect	Non-Perfect Verbal
Present Continuous	Non-Perfect Verbal	Past Simple	Past Continuous
Present Perfect	Non-Perfect Verbal	Past Simple	Past Simple
Present Perfect	Present Perfect	Past Simple	Non-Perfect Verbal
Present Perfect	Present Perfect Continuous	Past Continuous	Past Simple
Present Perfect Continuous	Present Perfect	Past Continuous	Past Continuous
Future Simple	Present Simple	Past Continuous	Non-Perfect Verbal
Future Simple	Future Simple	Present Simple	Present Simple
Future Simple	Non-Perfect Verbal	Present Simple	Non-Perfect Verbal

[1] В целях анализа мы будем называть ситуацию, выраженную первой пропозицией, первой ситуацией, а ситуацию, выраженную последующей пропозицией, – второй ситуацией.

Продолжение

1	2	3	4
СЛЕДОВАНИЕ			
Диалог		Монолог	
Предшествующая ситуация	Последующая ситуация	Предшествующая ситуация	Последующая ситуация
Past Perfect	Past Simple	Past Perfect Continuous	Past Perfect
Past Perfect	Future Simple in the Past	Past Perfect Continuous	Past Continuous
Past Simple	Past Simple	Past Perfect Continuous	Past Simple
Past Simple	Present Perfect	Past Perfect Continuous	Non-Perfect Verbal
Past Simple	Present Continuous	Past Perfect	Past Perfect
Past Simple	Present Simple	Past Perfect	Past Continuous
Past Simple	Future Simple in the Past	Past Perfect	Past Simple
Past Simple	Future Continuous in the Past	Past Perfect	Future Simple in the Past
Past Simple	Non-Perfect Verbal	Past Perfect	Non-Perfect Verbal
Past Continuous	Past Simple	Past Simple	Past Simple
Past Continuous	Future Simple in the Past	Past Simple	Past Continuous
Past Continuous	Non-Perfect Verbal	Past Simple	Future Simple in the Past
Present Simple	Present Simple	Past Simple	Future Continuous in the Past
Present Simple	Future Simple	Past Simple	Non-Perfect Verbal
Present Simple	Non-Perfect Verbal	Past Continuous	Past Simple
Present Continuous	Present Continuous	Past Continuous	Past Continuous
Present Continuous	Future Continuous	Past Continuous	Future Simple in the Past
Present Continuous	Non-Perfect Verbal	Present Simple	Present Simple
Present Perfect	Present Perfect		
Present Perfect	Present Continuous		
Present Perfect	Present Simple		
Present Perfect	Future Simple		
Present Perfect	Non-Perfect Verbal		
Present Perfect Continuous	Present Perfect		
Future Simple	Present Simple		
Future Simple	Future Simple		
Future Simple	Non-Perfect Verbal		

Литература

1. *Беликов, В.И.* Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М., 2001.
2. *Виноградов, В.В.* Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М., 1981.
3. *Винокур, Т.Г.* Развитие функциональных стилей современного русского языка / Т.Г. Винокур. – М., 1968.
4. *Долинин, К.А.* Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – Л., 1978.
5. *Кравченко, А.В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А.В. Кравченко. – Иркутск, 1992.
6. *Падучева, Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – М., 2001.
7. *Селиванова, Е.Е.* Средства выражения категории футуральности в английском дискурсе: дис. … канд. филол. наук / Е.Е. Селиванова. – М., 2003.
8. *Слюсарева, Н.А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – М., 1986.
9. *Смирницкий, А.И.* Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1959.
10. *Степанов, Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С. 35 – 73.
11. *Телия, В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 36 – 66.
12. *Трошина, Н.Н.* Социокультурные параметры дискурса / Н.Н. Трошина // Социолингвистика вчера и сегодня. – М., 2004. – С. 107 – 132.
13. *Brown, D.* The Da Vinci Code / D. Brown. – L., 2004.
14. *Dijk, T.A.* van. News as discourse / T.A. Dijk. – Hillsdale (N.Y.), 1988.
15. *Hornby, N.* About a Boy / N. Hornby. – NY., 1998.
16. *Leech, G.* Stylistics / G. Leech // Discourse and Literature: New Approaches to the Analysis of Literary Genres. – Amsterdam, 1995. – P. 39 – 58.
17. *Sheldon, S.* Are You Afraid of the Dark? / S. Sheldon. – L., 2005.